

УДК 159.99

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ “СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ” И “СТРАХ”

Е.С. Демидова, А.М. Карасаева

Рассматривается соотношение понятий “социальное познание” и “страх”.

Ключевые слова: страх; социальное познание; эмоции; когниции.

RELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF “SOCIAL COGNITION” AND “FEAR”

E.A. Demidova, A.M. Karasaeva

The article discusses the relation between the concepts of “social cognition” and “fear”.

Key words: fear; social cognition; emotions; cognitions.

В ходе рассмотрения этапов работы с социальной информацией возникают следующие проблемы: проблема включения эмоций в процесс социального познания и проблема связи познания и поведения. Соотношение когнитивных и эмоциональных компонентов в познании – вообще одна из сложнейших проблем в психологии.

Целью работы является соотнесение понятий “социальное познание” и “страх”.

Г.М. Андреева пишет, что посредством механизмов социального познания человек осознает себя частью той социальной реальности, в которой он живет и действует, а также всю совокупность социальных факторов, которые обуславливают эти процессы [1]. Иными словами, это вопрос о том, как человек строит образ социального мира или “конструирует” социальный мир. Под “конструированием” понимается приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связные структуры с целью постижения ее смысла. Ее результатом является построение *образа* социального мира, который предстает перед человеком как определенная социальная реальность. По выражению У. Томаса, “если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям” [2].

Одной из наиболее полезных моделей социального познания, с нашей точки зрения, является модель Роберта Селмана, который разработал теорию принятия социальной роли. Под принятием социальной роли Селман понимал проявление способности относиться к себе и другим как к субъектам, реагировать на действия окружающих так же,

как на свои собственные, и рассматривать свое поведение с точки зрения других людей [3].

Поскольку познание элементов социального мира начинается именно с восприятия и познания другого человека, внеэмоциональный аспект анализа просто исключается по определению: “Включение интегративного аффекта в социальное познание есть главный фокус исследований, представленных здесь” [4].

Именно эмоциональные реакции, характерные при межличностном восприятии, возникают раньше “холодного знания”. Поэтому одна из важных задач психологии социального познания – это выявление того, как связан процесс производства социальной информации с включением в него эмоционального компонента. Способствует ли такое включение эффективности получаемого знания или делает его “неточным”? Как новая информация соответствует “старому” эмоциональному опыту индивида, как с ним соотносится непосредственный эмоциональный отклик на новую ситуацию? Именно этот круг вопросов обсуждается особенно активно в последние годы. При решении этих вопросов постоянно подчеркивается специфика именно социального познания, так как более общее решение о соотношении эмоций и когниций нашло достаточно полную разработку в рамках общей психологии.

Существуют два различных подхода к пониманию соотношения эмоций и когниций в процессе социального познания. Р. Зайонц полагает, что сферы эмоций и когниций остаются самостоятельными, отдельно существующими системами в социально-познавательном процессе, которые

взаимодействуют между собой, но все же остаются каждая в рамках собственных законов, причем эмоции оказываются в этом взаимодействии как бы первичными. Более того, эмоции интерпретированы как более высокий уровень познания, одним из аргументов чего является ссылка на то, что они проявляются на самых ранних этапах восприятия, т. е. раньше других, более “когнитивных” элементов знания. В частности, именно эмоции обеспечивают с самого начала в процессе познания оценивание и предпочтения [5, с. 57].

Чувства и эмоции играют значительную роль в социальном бытии человека. В теории дифференциальных эмоций К. Изард отнес страх к базовым эмоциям, то есть является, с генетически заданным физиологическим компонентом, строго определенным мимическим проявлением и конкретным субъективным переживанием. Причинами страха считаются реальную или воображаемую опасность. Страх мобилизует организм для реализации избегающего поведения, убегания [6].

Страх – это негативное эмоциональное переживание, которое испытывает человек при встрече с угрозой или при ее ожидании. Угроза, вызывающая страх, может затрагивать жизнь и здоровье человека (такие страхи мы называем биологическими), его материальное благополучие или статус в обществе (социальные страхи), а также не иметь материального подтверждения, а быть отражением его собственных мыслей (экзистенциальные страхи) [7].

Страх в своих различных формах является необходимой эмоциональной составляющей жизни личности, коллектива, общества. Типы и интенсивность различных страхов изменяются исторически: они также различаются в обществах и культурах. Страх как показатель наличия небытийной угрозы для существования человека социализируется в трех основных универсальных формах: страхе отсутствия смысла, страхе вины и страхе смерти. Каждая из этих трех форм страха влияет соответственно на определенный уровень социального бытия личности. Воздействие страха в этих случаях на личность может быть как негативным, подавляющим активность человека и деформирующим его ценностные ориентиры, так и позитивным, позволяющим понять свое истинное предназначение в этом мире.

По мнению Ф. Римана, существуют два взаимоисключающих или взаимодополняющих импульса, которые поддерживают нашу мировую систему – это Вращение Земли вокруг Солнца и одновременно вращение Земли вокруг своей оси. На основе всего этого Ф. Риман выделяет четыре формы страха: 1) страх перед самоотвердени-

ем, переживаемый как утрата “Я” и зависимость; 2) страх перед самостановлением, переживаемый как беззащитность и изоляция; 3) страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность; 4) страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и не свобода. Также Ф. Риман отмечал, что страх может принимать любые формы, но представить себе все многообразие страхов у различных людей невозможно, так как при ближайшем рассмотрении можно выделить новые варианты страха [8, с. 87].

Другой актуальной проблемой, разрабатываемой при анализе связи когнитивных и эмоций, является проблема настроения. Она занимает одно из ведущих мест в современных публикациях по психологии социального познания. Хотя на уровне здравого смысла ее значение очевидно (понятно, что люди не роботы и в реальной жизни познают окружающий мир, всегда находясь в каком-либо настроении), освоение ее в рамках научного исследования делает лишь первые шаги вместе с оживлением интереса к вопросу о роли эмоций в социальном познании. Основная идея подробно разрабатывается А. Айзенгом, предложившим принцип “конгруэнтности настроения”, суть которого заключается в следующем: человек, находящийся в хорошем настроении, более эффективно воспринимает, кодирует и воспроизводит позитивную информацию, чем негативную, а находящийся в плохом настроении отдает предпочтение информации негативной. Содержание этого принципа может быть хорошо объяснено при помощи схемы (рисунок 1), изображающей наличие сети ассоциативных связей, возникающих вокруг состояний хорошего и плохого настроения [9, с. 168].

На схеме показано, как хорошее настроение как бы продуцирует “соседство” с другими прият-

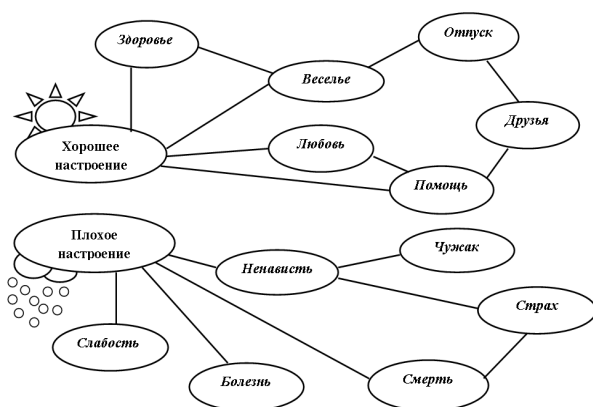

Рисунок 1 – Сеть ассоциативных связей, возникающих вокруг состояний хорошего и плохого настроения

ными вещами или явлениями (здоровьем, весельем, любовью, друзьями и др.), в то время как плохое настроение вплетено в сеть неприятных обстоятельств (болезни, смерти, ненависти, страха и др.). Как следствие такого рода включений настроения в некий контекст возникает или более оптимистичное суждение, или, напротив, суждение, включающее высокую степень риска, опасности и пр. Ассоциативные связи, возникающие в памяти, как бы облегчают направление размышления в сторону “конгруэнтности настроения”. Особенно наглядно действие этого принципа проявляется в случаях патологии, когда, например, депрессия сопровождается возникновением пессимистических суждений, касающихся самых различных сторон социальной реальности, что может привести к асоциальному поведению.

Социальное взаимодействие личности и общества в ряде аспектов во многом зависит от проявлений тех или иных форм страха и их интенсивности. Человеку, погруженному в повседневное бытие, индивидуально сложно позитивно противостоять страху. Социальное познание рассматривается как способность воспринимать и понимать различные факты социальной жизни. В том числе – как способность понимать других людей, понимать их общественное поведение, их эмоции, мысли, намерения, их ситуативные точки зрения и общие жизненные позиции. Все человеческие отношения предполагают социальное познание [9]. И для жизни среди людей, для целесообразной совместной деятельности необходимо осознавать и внешне проявления окружающих, и их сущность, выраженную в этих проявлениях. Общество всегда выступало и выступает той системой, которая с помощью социальных институтов стремится повысить или ослабить состояние человеческого страха. В условиях же системных кризисов, когда рушатся привычные механизмы противостояния страху, когда страх приобретает наиболее ужасающие формы и парализует жизнедеятельность личности, человек остается один на один со страхом.

Современный человек знает – как на своем личном опыте, так и из наблюдений над жизнью окружающих, – что в наше время феномен страха охватывает все стороны жизнедеятельности. Люди осознали свой страх, который связан не только с опасными ситуациями (например, с неконтролируемым применением ядерного оружия, или с политическими и экономическими катаклизмами, или с ростом террористической угрозы), но и с менее явными, глубинными источниками страха внутри нас самих, обусловленными природой нашего происхождения и особого, в отличие от

животных, осознания своего положения в бытии. К последним относятся внутреннее смятение, отчуждение, потеря смысло-жизненной ориентации, неуверенность человека, сталкивающегося с противоречивыми ценностями или стандартами поведения в современном нестабильном мире. В наши дни страх пронизывает все сферы жизни человека.

На протяжении всей истории человечества ведущие мыслители своего времени ставили вопросы о сущности страха, его конкретных проявлениях и влиянии на жизнь человека, в частности, и общества в целом. Изучение феномена страха претерпело очень сложную эволюцию, в зависимости от конкретных реалий развития того или иного общества и от преобладания тех или иных форм страха в различные исторические эпохи.

В XX в. человек делает акцент не столько на внешних, сколько на внутренних источниках страха, сосредоточенных в микрокосме человеческой личности. Главные страхи вызываются теперь уже не столько ураганами и эпидемиями, сколько разрушительным началом, скрытым в самом человеке, в глубинах его личности. Более всего тема страха оказалась разработанной в таких направлениях, как экзистенциализм и психоанализ. Представители экзистенциального понимания страха (М. Лютер, М. Экхарт, Я. Бёме, Б. Паскаль, Ф. Шеллинг, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, П. Тиллих, Р. Мэй, Ф. Риман и др.) и психоанализа (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни и др.) открыли новые экзистенциально-внутриличностные измерения страха.

В советской и западной науке сложилось различное понимание страха. Подобное различие к исследованию страха вероятнее всего связано с тем, что в советском типе культуры “западный страх” [10] – страх перед существованием человека – не играл такую важную роль, как в европейской культуре.

В отечественной науке определение страха сейчас трактуется как отрицательная эмоция (чувство, аффект, страсть, фрустрация), возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающая жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам). Из этого следует, что страх определяется однолинейно-негативной направленностью, не отражающей позитивный аспект самого феномена страха. Но данное определение не учитывает социально-философское познание страха, связанное с глубокой взаимосвязью между страхом и социальным бытием человека, которое, в свою очередь, требует особого внимания к пониманию аксиологической составляющей страха.

Страх фигурирует при атрибуции собственных негативных результатов или в ситуациях, когда эти результаты контролируемы не самим индивидом, а другими. При успешности же собственного результата при контроле со стороны другого индивид испытывает чувство благодарности. Естественно, что степень страха и благодарности обусловлена и многими другими причинами, но тем не менее и то и другое чувство “участвует” в выборе соответствующего “измерения”.

Взрослый человек гораздо лучше умеет скрывать свои страхи и тревоги. Если они не переполняют его, человек вполне способен подавить их, не признаваясь даже самому себе в их существовании. Зачастую он не “знает”, что боится. Есть много способов справиться с такого рода тревогой и некоторые из них – собственно когнитивные.

Для такой личности все неизвестное, неясное, таинственное, скрытое, неожиданное может представлять собой угрозу. Единственный способ сделать его знакомым, предсказуемым, управляемым, контролируемым, то есть не внушающим страха и безвредным заключается в том, чтобы познать и понять их. Стало быть, социальное познание может иметь не только развивающую функцию, но и функцию снятия тревоги, защитную функцию гомеостаза.

“Страх” и “социальное познание” могут пересекаться в таком понятии, как “страх познания”. В принципе, такого рода страх является защитной реакцией, в том смысле, что он оберегает нашу веру в себя, самоуважение и самолюбие. Мы склонны бояться любого знания, которое могло бы заставить нас презирать самих себя, породить в нас комплекс неполноценности или же вызвать у нас чувство собственной слабости, бесполезности, греховности и постыдности наших побуждений. С помощью этого и подобных защитных приемов мы оберегаем свое идеальное представление о себе. В сущности, это техника ухода от осознания неприятных или опасных истин.

А. Маслоу писал, что нет сомнения в том, что потребность в знаниях, если мы хотим в ней хорошо разобраться, следует рассматривать наряду со страхом познания, с тревогой, с потребностью в безопасности и спокойствии. Мы упираемся в диалектическую обратную связь, которая одновременно является борьбой между страхом и решимостью. Все усиливающие страх психологические и социальные факторы закрепощают нас в нашем порыве к знаниям; стало быть, все факторы, увеличивающие отвагу и свободу, высвобождают нашу потребность в познании [11].

Вывод. Страх является неперенным условием функционирования общественной системы. Онтологическое свойство страха заключается в стремлении живых организмов сохранить свою целостность, структуру, противодействуя внешней среде. Вся история человечества состоит из попыток обуздания, смягчения и преодоления страха. Он является степенью оценки угрозы, риска, выступает как ценностный синдром, убеждения или система убеждений, компонент мировоззрения. Страх является одним из факторов, влияющим на социальное познание. Переосмысление страха и источников опасности закрепляется в нормах и ценностях, отражается в культуре и закрепляется в архетипических структурах ментальности, что оказывает влияние на способы социального познания.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. М.: Аспект-Пресс, 2003. 288 с.
2. Томас У., Занецкий Ф. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Занецкий // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
3. Социальный интеллект: теория, измерение, исследование / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. 270 с.
4. Fiske S. Schema-triggered Affect: Application to Social Perception / S. Fiske // Affect and Cognition. The Seventeenth Annual Carnegie Symposium on Cognition. N.Y., 1982. 250 p.
5. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард СПб.: Питер, 2006. 464 с.
6. Демидова Е.С. Страх как психологический феномен / Е.С. Демидова // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. Вып. 3 (1). Бишкек, 2011. С. 86–88.
7. Щербатых Ю.В. Избавься от страха / Ю.В. Щербатых. М.: Эксмо, 2010. 304 с.
8. Hewston M. Introduction to Social Psychology (second edition) / M. Hewston, W. Stroebe, G. Stephenson. Oxford, 1996. 390 p.
9. Карасаева А.М. Соотношение понятий “личностный смысл” и “социальное познание” / А.М. Карасаева // Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых “Психология XXI века”. Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2012 г. / под науч. ред. Р.А. Березовской. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 43–45.
10. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. М.: Эксмо, 2001. 464 с.
11. Маслоу А. На подступах к психологии бытия / А. Маслоу. Киев: PSYLIB, 2003. 140 с.